

НА ТРЕХ РОССИЙСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПРИХОДИЛСЯ ОДИН ПИСТОЛЕТ

Источник: А.Ю. Дунаева «Полиция Московской губернии в начале XX века: условия службы и материальное положение» («Новый исторический вестник», № 19, 2009).

Полицейский и гвардеец на Красной площади в Москве, начало XX века

Низкий социальный статус и маленькие оклады правоохранителей привели к тому, что в критические дни Февральской революции они просто разошлись по домам

Как и сегодня, сто лет назад российская полиция не пользовалась уважением в обществе, была слабо оснащена технически, брала взятки и привлекала людей, которые не могли себя найти больше ни в одной профессии. Все это привело к тому, что в Февральскую революцию они решили не охранять престол и просто разошлись по домам. О том, что представляла из себя полиция Российской империи в начале XX века, рассказывает в исследовании историка Анастасии Дунаевой «Полиция Московской губернии в начале XX века: условия службы и материальное положение» («Новый исторический вестник», № 19, 2009).

Революция 1905–1907 годов показала остроту не только аграрного и рабочего вопросов, но и проблем материального обеспечения, обучения и службы тех, на ком и держалась Российская империя — прежде всего, полиции.

Декабрьское вооруженное восстание московская полиция встретила фактически безоружной. 12 декабря генерал-губернатор Ф.В. Дубасов распорядился немедленно вооружить городских московской полиции ружьями из артиллерийского склада и патронами. Новый градоначальник А.А. Рейнбот, вступивший в должность в начале 1906 года, в своем отчете сенатской ревизии писал: «При ближайшем ознакомлении

оказалось, что полиция не только не обучена, но почти безоружна. Так, имелись на вооружении однозарядные ружья Бердана, и то выданные лишь в декабре по приказанию генерал-адъютанта Дубасова; на 4 тысячи городских имелось 1332 револьвера старой системы Смита и Вессона (то есть на трех полицейских — один пистолет), большинство коих в неисправном виде, а также ни к чему не пригодные шашки по 2 рубля 20 копеек штука. Околоточные надзиратели, за исключением нескольких, запасшихся конфискованным оружием, револьверов не имели. Такое вооружение было в ту минуту, когда полицию расстреливали на улицах из револьверов самых последних систем, когда полиция ходила каждую ночь на обыски и аресты, заведомо зная, что зачастую встретит жестокое вооруженное сопротивление».

Для вооружения городских Рейнбот приказал выдать приставам деньги в виде наградных и купить на них 900 револьверов системы Нагана и патроны к ним. Фактически губернатор был вынужден пойти на служебный подлог, чтобы вооружить полицейских.

Описывая условия службы полицейских чинов, Рейнбот отмечал, что большим подспорьем для них служат подарки от обывателей. Он подразделил их на «подарки со сделкою с совестью и на подарки со сделкою с самолюбием». «Карая жестоко первые, волей-неволей пришлось мириться со вторыми, глубоко укоренившимися в Москве, контроль над которыми совершенно невозможен», — признавал градоначальник. Он предпринял жесткие меры к взяточникам: «Целый ряд был мною уволен за некорректность в денежном отношении. Но, к сожалению, оклады, установленные штатами, столь мизерны, что не могут удовлетворить самым насущным потребностям жизни интеллигентной, хотя бы даже немногочисленной, семьи», — подытожил Рейнбот.

Баррикады на Большой Бронной во время Декабрьского восстания 1905 года в Москве

Зарплаты нижних полицейских чинов в то время были 20–30 рублей в месяц, что было ниже, чем у квалифицированных рабочих.

Размеры окладов правоохранителям были установлены в начале 1860-х годов и с тех пор не повышались.

Полиция финансировалась по остаточному принципу, денег не хватало даже на элементарные нужды — на канцелярские принадлежности, форму и разъезды.

Московский губернатор В.Ф. Джунковский в отчете за 1906 год указывал: «Неимение же свободных денег обращает их к незаконным поборам, например за прописку паспортов. Роняя свою честь, они роняют в то же время достоинство и авторитет правительственной власти. Есть только один способ исправить положение: издать для полиции новые штаты, согласованные с возросшей повсеместно дороговизной жизни и размерами служебного труда».

Джунковский в 1907 году внес свои предложения по реформе полиции, однако в правительстве их положили «под сукно». Единственное, что смог «пробить» московский губернатор, это расширение перечня ситуаций, когда полицейским могла быть выплачена премия.

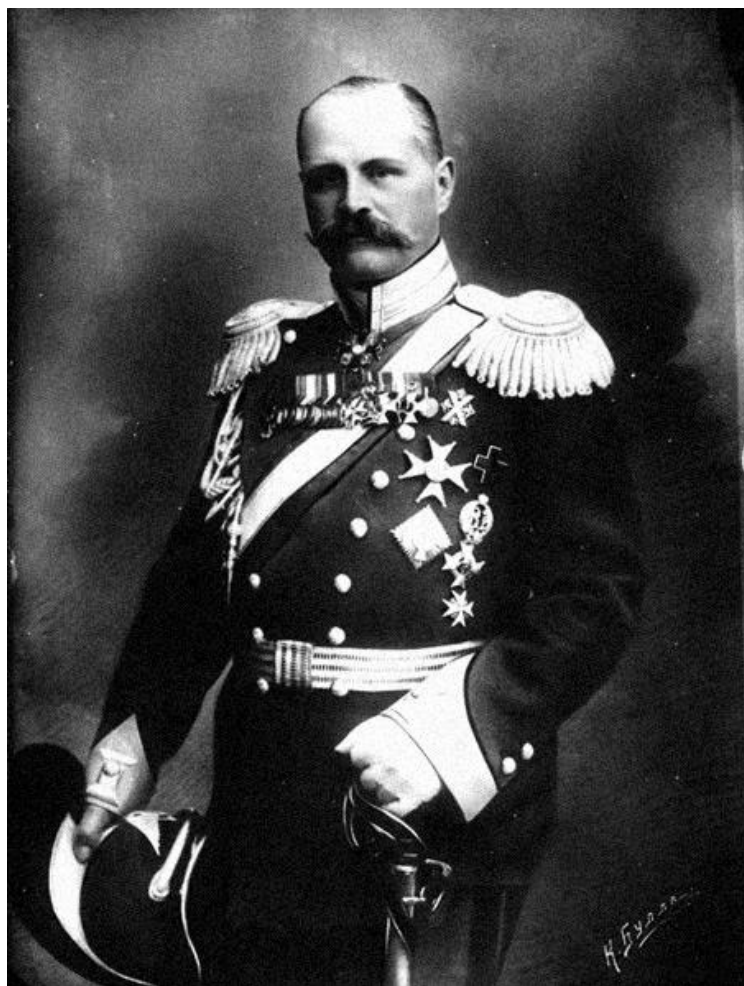
Вот несколько случаев, которые Джунковский приводил в качестве примера выплат премий. «9 декабря 1908 года близ станции «Нара» от трактира Матвеева была угнана запряженная в сани лошадь, принадлежащая крестьянину Николаю Оськину. Полицейский сторож села Наро-Фоминского Зиновьев получил сведения о происшедшем, на другой лошади Оськина немедленно бросился за конокрадами, настиг их в трех верстах от «Нары» и задержал. За проявленную сторожем Зиновьевым находчивость, быстроту и смелость действий объявляю ему благодарность и назначаю награду 10 рублей». «19 мая 1909 года, объявляя «спасибо» за молодечество городовому Воскресенской команды Егорову, зарубившему шашкой появившуюся в городе бешеную собаку, предложил своей канцелярии выдать тому в награду 3 рубля».

Однако в том же 1909 году сумма, предназначенная для выдачи наград и пособий наиболее нуждающимся и отличившимся по службе полицейским чинам, была сокращена вдвое. Так правительство решило превентивно пресечь возможные злоупотребления при выдаче премий.

В 1910 году, в очередной раз докладывая императору Николаю II, что «бедственность положения некоторых чинов полиции принимает совершенно нетерпимые размеры», Джунковский привел в пример ситуацию на одной из крупнейших фабрик в России — Богородско-Глуховской мануфактуры. Ежегодный дефицит средств на содержание полицейской канцелярии составлял там 1300 рублей, и губернатор отдал приказ брать по 10 копеек за прописку каждого паспорта, «хотя таковой сбор и не предусмотрен законом». Николай II наложил

резолуцию на донесение Джунковского: «Такое положение не подымает престижа власти».

На отчете за 1912 год напротив замечания Джунковского, что «все чины полиции ожидают лучшего времени, когда реформа улучшит материальные условия их жизни, граничащие ныне с крайней бедностью», Николай II написал: «Надеюсь, очень скоро».

Владимир Джунковский

Низкий социальный статус полицейских, маленькие оклады привели к тому, что на службу поступали люди, которые не были способны ни на что другое. В начале 1900-х годов только 3% всех полицейских начальников имели высшее образование и 21% — среднее. Среди нижних чинов около половины были вообще с образованием в один-два класса. Ситуация со станowymi приставами и урядниками была еще более плачевной: некоторые из них едва умели читать. Большинство полицейских были бывшими солдатами, не получившими продвижения и уволенные из армии.

А. Хвостов, занимавший пост министра внутренних дел с 7 июля по 16 сентября 1916 года, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии после Февральской революции показал, что собирался провести закон о новых штатах полиции помимо Думы по 87-й статье Основных законов. «Штаты полиции лежали в Думе много лет, — рассказывал бывший министр, — они там застряли, и я застал Министерство внутренних дел в таком положении, что полиции почти не существовало. Чины полиции прямо убегали. В Петрограде в 1916 году 60% городских было в отлучке. Исходя из этого, я пришел к заключению, что вся полиция может разбежаться, так как оклады действительно ничтожны».

Последнему министру внутренних дел А.Д. Протопопову удалось провести закон о реформе полиции через Совет министров 30 октября 1916 года. Поводом для этого стала забастовка полицейских в Москве. Но было поздно: через три месяца в

Петрограде началась Февральская революция, и лишь 2–3% полицейских решились в те дни продолжать свои обязанности. Остальные тихо разошлись по домам.